

В.Л. РИМСКИЙ

Мифы о Сталине и культе личности в сознании российских граждан и элиты

Мифы о Сталине и культе его личности до сих пор используются в нашем обществе для дискредитации Сталина и сталинского политического режима. Но до сих пор не проведен объективный анализ этого режима и роли Сталина в истории нашей страны. И пока в результате такого анализа не произойдет рационализация этих мифов, наше общество невозможно будет консолидировать для выполнения реальной стратегии успешного развития страны.

Ключевые слова: мифы, мифологизация политики, Сталин, Хрущев, культ личности, XX съезд КПСС.

Myths about Stalin and about a cult of his personality which has been conducted by the author are described. These myths together with some other myths are used in our society for the purposes of discredit of Stalin and of the Stalin's political regime till now. But the objective analysis of this regime and Stalin's role in the history of our country is not carried out till now. And until it will not take place the rationalization of these myths as a result of such analysis, our society cannot be consolidated for the execution of a real strategy of our country successful development.

Keywords: myths, a mythologization of politics, Stalin, Khrushchev, a cult of personality, XX CPSU congress.

Мифологизация современной российской политики

Для целей социологического анализа в дальнейшем изложении мифами я буду называть представления, суждения и концепции, описывающие сущность предметов и явлений с помощью образов, а не понятий. Мифы, как правило, упрощают и искажают реально существующие взаимосвязи и взаимозависимости предметов и явлений, но позволяют в более доступной и образной в сравнении с научной формой выразить определенные идеи. Как известно, с древности у всех народов мифы выполняли функции описания, объяснения и обоснования непонятных и таинственных явлений, происхождения богов, мира, природы, человека, народов, а также традиций, норм и правил человеческого поведения.

Миф – не выдумка или вымысел. Миф, внедренный в общественное сознание, не может быть совокупностью каких-то абстрактных категорий. Как правило, мифы – это совокупности конкретных явлений, переживаемых каждым человеком по-своему, но на основе признаваемых в обществе представлений об истинности и достоверности. Некоторые наиболее глубоко внедренные в человеческое сознание мифы фактически становятся реальностью, ощущаемой, в частности, через воздействие мифов на эту реальность, через те средства регуляции жизни и деятельности, которые обосновываются этими мифами.

С древнейших времен миф был одной из форм освоения действительности. В современной политике, следуя Р. Барту, важнейшей функцией мифа можно считать придание исторически обусловленным и преходящим фактам статуса естественных и вечных¹. Политики присваивают себе права на толкование и понимание социально-политических явлений и процессов, стремятся навязать всем членам общества представление о всеобщности таких толкований и пониманий. Формирование и поддержание мифов в общественном сознании – одно из важнейших средств обеспечения доминирования над конкурентами и соперниками в современной российской политике. Ведь современные проблемы общества, экономики, политики, государственного и муниципального управления настолько сложны, что любые их решения будут неоднозначно оценены различными социальными группами. А потому для обеспечения стабильности своего социального статуса политикам вместо решений реальных проблем значительно эффективнее заниматься формированием различного рода мифов, простых и понятных вариантов решений, ясных образов прошлого, настоящего и будущего, четких и однозначных оценок ситуаций, и т.п. И такие мифы настолько активно внедряются в общественное сознание, что не только граждане, но и сами политики, и вся российская элита начинают в них верить. Ведь мифы тем и отличаются от научного знания, что для их обоснования достаточно веры, а научный подход и использование объективной информации не требуются.

Мифологизация была свойственна российской политике и в течение всего XX в. В советский период реальная история нашей страны заменялась ее мифологическим описанием, а одним из ведущих мифов в общественном сознании наших граждан был и остается миф о Сталине.

Миф о Сталине: факторы формирования и развития

В сознании большинства российских граждан представления о Сталине составляют развитый и хорошо освоенный миф, образы которого до настоящего периода позволяют этому большинству оценивать и объяснять окружающую социальную реальность, политику и экономику. Этот миф начал формироваться еще в первой трети XX в. Он так и не был разрушен, более того – как ни парадоксально, получил дополнительные образы и оценки после проведения XX съезда КПСС. Этот миф остается значимым и в сознании многих современных российских граждан и значительной части элиты нашей страны. Уже к середине 30-х гг. XX в. усилиями отечественных и даже зарубежных писателей и других деятелей культуры при направляющей роли ВКП(б) был сформирован миф о Сталине, образами которого в общественном сознании стали представления о нем как об “Отце народов”, “Учителе”, “Гении всех времен” [История... 2009, с. 865], величайшем руководителе великого Советского Союза.

Существовало много разнородных факторов, определивших формирование комплексов общественного сознания, соответствующих мифу о Сталине, а также их превращение в устойчивые, привычные и естественные схемы мышления, оценки и объяснения окружающей действительности. Сумма этих факторов пока не описана системно, это задача будущих исследований. Но некоторые значимые факторы оказались возможным выявить в ходе современных социологических исследований, по воспоминаниям современников Сталина, произведениям художественной литературы, кино- и телефильмам.

При анализе этих данных приходилось учитывать, что и свидетельства очевидцев, и содержание документов никогда не могут объективно отражать исторические события и факты, потому что восприятие и – особенно – описание социальной реальности индивидами всегда структурируются их социальными идентичностями, социальными позициями и социальными статусами [Бурдые, 1993]. В современном обществе

---

¹ Барт относил это свойство мифа только к буржуазной мифологии, но оно, по-видимому, характерно для всей современной политики [Барт, 1994, с. 111–112].

существенное влияние на свидетельства очевидцев и содержание документов оказывают также средства массовой информации, которые формулируют проблемы и определяют представления о социальных явлениях, навязывая своим аудиториям определенное видение социального мира [Шампань, 1996, с. 209]. Такое воздействие средств массовой информации на сознание индивидов было заметно уже в 20-е–30-е гг. XX в., а в настоящее время существенно усилилось в результате массового использования телевизионных и иных современных информационных технологий. Поэтому для понимания и объяснения мифа о Сталине было необходимо, учитывая известные данные исследований, текстов документов и свидетельств очевидцев, выйти за пределы этого мифа и сформировать теоретическую концепцию его происхождения и силы его влияния на современников Сталина [Бурдые, 1994]. Ниже приводятся основные положения гипотезы, основанной на результатах социального анализа мифа о Сталине и последствий XX съезда КПСС.

Формированию и развитию мифа о Сталине существенно способствовали массовое переселение крестьян в города и новая для них работа на стройках и производствах. Сознание бывших крестьян под воздействием государственной пропаганды усваивало рациональные основания устройства нового советского общества, но в их коллективном бессознательном продолжал существовать архетип² отца как основы их прежнего деревенско-патриархального уклада жизни. Этот архетип эффективно использовался Сталиным и его ближайшим окружением: он проецировался на мифический образ вождя с соответствующими массовыми аффективными проявлениями преданности, любви, поклонения, восхищения и т.п.

Успешное распространение и устойчивость мифа о Сталине в общественном сознании периода правления “вождя народов” во многом подкреплялись целенаправленным разрушением в советском обществе религиозных представлений и верований, начатым еще в период революции 1917 г. Культ личности во многом был порожден агрессивным разумом большинства, потому что отказ от религиозной веры происходил только рационально, в то время как бессознательное сохраняло свои позиции в психике людей. Отречение от веры нарушило равновесие разума и бессознательного в социуме, позволив бессознательному проявлять нередко разрушительные асоциальные инстинкты поведения индивидов. Бессознательное не регулировалось и не могло в силу своей природы регулироваться нормами культуры, морали, нравственности и другими общепринятыми социальными институтами. В результате в общественном сознании место религиозной веры, норм традиционной морали и нравственности стали занимать культы руководителей государства: сначала В. Ленина, потом сравнительно недолго Л. Троцкого, а затем – Сталина. Кстати, разрушенная большевиками Русская православная церковь после обращения к ней Сталина в годы Великой Отечественной войны поддержала советскую власть, стала с ней активно сотрудничать. Русская православная церковь фактически подтвердила миф о “божественности” власти Сталина, что также способствовало замене культа разума культом его личности.

Формирование мифа о культе личности

После смерти Сталина 5 марта 1953 г. отношение руководства страны к его личности и к периоду его правления изменилось. Уже с мая 1953 г. прекратилось издание произведений Сталина, в 1954 г. были отменены Сталинские премии за укрепление

---

² Согласно К. Юнгу, архетипы (от греческих корней слов: *arche* – начало и *typos* – образ; первообраз, проформа) понимаются здесь как устойчивые содержания коллективного бессознательного, как всеобщие древние образы, существующие в памяти всего человеческого рода и выражаемые в различных символах. Архетипы раскрывают себя сознанию с некоторыми искажениями, обусловленными культурой и индивидуальными особенностями индивидов. Архетипы проявляются в сознании индивидов через их соотношения с мифами, тайными учениями или сказками. При этом в непосредственном социальном опыте некоторые архетипы персонифицируются, связываются с конкретными личностями. Архетип отца, который, наряду с архетипом матери, Юнг описывал в ряду важнейших, может персонифицироваться в вождях, царях, руководителях государства и т.п. (см. [Юнг, 1991; 1994]).

мира и дружбы между народами и в области литературы, искусства и науки, которые позже стали государственными. В 1955 г. появились публикации о необходимости преодоления ошибок “периода культа личности” и важности “коллективного, ленинского руководства” страной.

Однако в партии публичных обсуждений темы культа личности не было. Пленумы ЦК КПСС, проведенные в 1954–1955 гг., не принимали никаких резолюций по этому поводу и не рассматривали тезисов закрытого доклада Н. Хрущева на предстоящем съезде КПСС. А в Тезисах ЦК КПСС, посвященных 38-летию Октябрьской революции, опубликованных в советской прессе перед 7 ноября 1955 г., утверждалось, что партия и страна готовятся “достойно встретить XX съезд партии, следуя по пути, указанному Лениным и Сталиным”.

XX съезд КПСС проходил в Москве с 14 по 25 февраля 1956 г. Открытый отчетный доклад Хрущева на этом съезде не содержал каких-либо обвинений против Сталина, за исключением частых упоминаний о “перегибах партийно-государственной линии на местах” и “нарушениях социалистической законности бандой Берии”, который еще в 1953 г. был арестован, осужден и расстрелян. В своем докладе Хрущев говорил о необходимости соблюдения “ленинских норм партийной жизни” и коллективного руководства страной. Выступавшие на съезде делегаты, в том числе и зарубежные, либо вообще не упоминали Сталина, либо указывали, что он продолжатель дела Ленина или учения Маркса–Энгельса–Ленина [XX съезд... 1956].

25 февраля на закрытом заседании XX съезда КПСС Первый секретарь ЦК КПСС Хрущев сделал доклад “О культе личности и его последствиях”. Текст резолюции, принятой съездом по этому докладу, видимо, был согласован до начала этого заседания. Вполне возможно, что Хрущев заверил руководство КПСС о соответствии доклада содержанию этой резолюции. В ней было указано, что XX съезд КПСС, рассмотрев вопрос о преодолении культа личности Сталина и его последствий, одобрил большую работу по восстановлению ленинских норм партийной жизни и развитию внутривнутрипартийной демократии, проведенную ЦК КПСС за период с 1953 по 1956 г. Съезд предложил ЦК КПСС последовательно осуществлять меры, обеспечивающие полное преодоление чуждого марксизму-ленинизму культа личности, ликвидацию его последствий во всех областях партийной, государственной и идеологической работы, строгое соблюдение ленинских норм партийной жизни и принципа коллективности руководства. В соответствии с положениями этой резолюции в критике культа личности партия руководствовалась положениями марксизма-ленинизма о роли народных масс, партии и личности в истории, о недопустимости культа личности политического руководителя, как бы велики ни были его заслуги. Но эти положения резолюции никак не отражали основного содержания доклада Хрущева “О культе личности и его последствиях”. Более того, Хрущев в своем докладе фактически придал новый смысл понятию “культ личности”, которое на многие десятилетия стало и в массовом сознании, и в сознании исследователей, представителей элиты и руководителей государства связываться с именем и деятельностью Сталина.

Во-первых, Хрущев в своей речи [Хрущев, 1989] процитировал положения так называемого завещания Ленина³, текст которого был роздан делегатам съезда. Хрущев обратил внимание делегатов съезда на предупреждение Ленина о том, что Сталин на должности генерального секретаря “сосредоточил в своих руках необъятную власть”, его сомнения в том, “сумеет ли он всегда достаточно осторожно пользоваться этой властью”. Затем, указав, что опасения Ленина оказались справедливыми, Хрущев заявил: “Те отрицательные черты Сталина, которые при Ленине проступали только в зародышевом виде, развились в последние годы в тяжкие злоупотребления властью со стороны Сталина, что причинило неисчислимый ущерб нашей партии”.

Во-вторых, Хрущев подчеркнул необходимость “исключить всякую возможность повторения даже какого-либо подобия того, что имело место при жизни Сталина, кото-

³ Это “Письмо к съезду”, включающее в себя записи, продиктованные Лениным 23, 24, 25, 26, 29 декабря 1922 г. и 4 января 1923 г. (см. [Ленин, т. 45, с. 343–348]).

рый проявлял полную нетерпимость к коллективности в руководстве и работе, допускал грубое насилие над всем, что не только противоречило ему, но что казалось ему, при его капризности и деспотичности, противоречащим его установкам”.

В-третьих, Хрущев впервые публично, хоть и на закрытом заседании съезда КПСС, признал проведение репрессий по отношению к тем, кто не разделяли позиции Сталина, заявив, что Сталин “действовал не путем убеждения, разъяснения, кропотливой работы с людьми, а путем навязывания своих установок, путем требования безоговорочного подчинения его мнению. Тот, кто сопротивлялся этому или старался доказывать свою точку зрения, свою правоту, был обречен на исключение из руководящего коллектива с последующим моральным и физическим уничтожением”. В частности, говоря о репрессиях в период после XVII съезда ВКП(б), Хрущев признал, что “жертвами деспотизма Сталина оказались многие честные, преданные делу коммунизма, выдающиеся деятели партии и рядовые работники партии”.

В-четвертых, по словам Хрущева, понятие “враг народа” Сталин ввел для того, чтобы, освободившись от “необходимости всяких доказательств идейной неправоты человека или людей, с которыми ты ведешь полемику”, дать возможность “подвергнуть самым жестоким репрессиям, с нарушением всяких норм революционной законности” всех, “кто в чем-то не согласен со Сталиным, кто был только заподозрен во враждебных намерениях, всякого, кто был просто оклеветан”. Хрущев заявил: «Основным и, по сути дела, единственным доказательством вины делалось, вопреки всем нормам современной юридической науки, “признание” самого обвиняемого, причем это “признание”, как показала затем проверка, получалось путем физических мер воздействия на обвиняемого». А такими физическими мерами воздействия были пытки, с помощью которых, по выражению Хрущева, “банда Берии, хозяйничавшая в органах госбезопасности”, добивалась получения доказательств того, что арестованный по указанию Сталина действительно “враг народа”. Сделав вывод, что самые грубые нарушения социалистической законности, пытки и истязания, приводившие к оговорам и самооговорам невинных людей, были санкционированы Сталиным от имени ЦК ВКП(б), Хрущев практически всю вину за массовые репрессии переложил на Сталина и исполнителя его воли Берию.

Эти и многие другие признания Хрущева в существовании в период правления Сталина “чуждого марксизму-ленинизму культа личности” и необходимость “ликвидации причиненных им (культом личности. – В. Р.) тяжелых последствий”, по-видимому, ожидалось некоторыми участниками XX съезда КПСС. И все же большинство коммунистов и многие простые советские граждане восприняли их как разрушение веры в мифы сталинского периода, попрание норм и принципов жизни в советском обществе.

Вместе с тем в своем докладе на XX съезде КПСС Хрущев для разрушения сталинских мифов прибег к созданию собственных. Для этого в некоторых случаях он представил явно ложную информацию, логически и эмоционально подтверждающую эти новые мифы. Затем в тех конкретных условиях эта новая мифология была взята на вооружение борцами со сталинским наследием. К сожалению, некоторые из созданных тогда новых мифов сохраняются в сознании российских граждан до сих пор. А сам период после XX съезда КПСС усилиями многих видных советских литераторов и публицистов был представлен особым мифом, названием которому послужило заглавие повести И. Эренбурга “Оттепель”, написанной в 1953–1955 гг., но опубликованной в 1956 г. Образ оттепели, наступившей после затяжной и мрачной идеологической и политической зимы сталинского режима, стал с тех пор привычным в советской, а потом и в постсоветской литературе.

Хрущев утверждал, в частности, что в период с 1935 по 1938 г. “сложилась практика массовых репрессий по государственной линии” против “врагов народа”. Но это не так: подобная практика началась много раньше, еще при ленинском руководстве страной, в период Гражданской войны и в 1920-е гг., а продолжалась до самой смерти Сталина.

По поводу руководства военными операциями в 1942 г. в районе Харькова Хрущев говорил, что “Сталин операции планировал по глобусу”. Это была явная ложь, что присутствовавшие в зале заседаний высшие военачальники хорошо знали. Хрущев пытался доказать, что вся ответственность за поражение Красной армии в 1942 г. под Харьковом, когда были окружены и уничтожены крупные группировки численностью в сотни тысяч человек, лежит исключительно на Сталине. Однако факты и сохранившиеся архивы показывают, что ответственным за эту катастрофу были и сам Хрущев, и командующий Юго-Западным фронтом С. Тимошенко, и член Военного совета этого же фронта И. Баграмян. Вполне возможно, что Хрущев пытался снять таким образом с себя ответственность и за личное участие в репрессиях, в частности на Украине перед войной, где он с января 1938 г. руководил республиканской компартией, и за поражения Советской армии в первый период войны, к которым он был причастен.

Для того чтобы новые, создаваемые им мифы выглядели максимально достоверно, Хрущев в своем докладе, приводя достоверные исторические факты, в частности, об искалеченных человеческих судьбах, умалчивал о многих других фактах и давал необъективные оценки деятельности как Сталина, так и других руководителей государства. В частности, он отмечал, что члены Политбюро ЦК ВКП(б) якобы не могли сопротивляться сталинским решениям, в том числе и о репрессиях, иначе их самих физически уничтожили бы. В докладе неоднократно утверждалось, что все партийные руководители постоянно находились под угрозой стать жертвами репрессий и были вынуждены действовать против своей воли.

Видимо, даже спустя три года после смерти Сталина Хрущев опасался обвинений в соучастии в сталинских репрессиях со стороны своих политических соперников. Само подобное стремление отвести от себя обвинения косвенно свидетельствует о том, что массовые репрессии не могли быть организованы исключительно Сталиным и Берией, тем более, что последний возглавил НКВД лишь в 1938 г., а поддерживались всеми руководителями советского государства того периода. Цель Хрущева состояла в ослаблении позиций в партии своих политических соперников, в первую очередь В. Молотова и Г. Маленкова. Во многих негативных событиях, упомянутых в докладе Хрущева, Молотов и Маленков были непосредственными участниками. Вместе с тем Хрущев опасался разбирательств виновности тех или иных должностных лиц по существу, так как понимал, что и он сам, и другие руководители страны, безусловно, несут ответственность за репрессии и другие преступления, чему есть и документальные доказательства.

Установление истины, всей исторической правды о культе личности и периоде массовых репрессий было очень опасно лично для Хрущева. Поэтому он, видимо, и решил гарантировать членам руководства партии неприкосновенность: они не будут арестованы, подвергнуты судебным разбирательствам и казнены. Такая позиция позволила Хрущеву получить поддержку многих членов ЦК КПСС и делегатов съезда, опасавшихся за свою жизнь в результате возможных процессов десталинизации государственного управления страной. Вполне возможно, это помогло Хрущеву на XX съезде КПСС снова быть избранным Первым секретарем ЦК КПСС. Но, заняв высшую должность в советском государстве, Хрущев через полтора года, 29 июня 1957 г., после очередного обострения политической борьбы провел через Пленум ЦК КПСС постановление “Об антипартийной группе Маленкова, Молотова, Кагановича и примкнувшего к ним Шепилова” и начал процесс избавления от своих главных политических конкурентов, успешно решив свои тактические политические задачи. Но стратегическое мышление у Хрущева оказалось развито слабо, он не смог прогнозировать последствия многих своих решений, в первую очередь государственных, допуская в государственном управлении то, что впоследствии было названо “волюнтаризмом”.

Социальные последствия мифа о культе личности

По сути, решения XX съезда положили начало не объективному анализу того, что произошло в стране в предшествующие десятилетия, а созданию нового мифа – теперь о “культе личности”. Этот миф искажал действительность, скрывал от советских граждан реальные мотивы действий руководителей страны как в период сталинского правления, так и после его смерти. Согласившись с оценками сталинского периода, высказанными Хрущевым в его докладе, делегаты XX съезда КПСС вряд ли могли предвидеть все последствия своего выбора. Они, в частности, акцентировали внимание на фактах репрессий в отношении партийного и государственного руководства, подтвердив на этом основании категорический запрет репрессий в отношении руководящих работников, что на практике позволило избавить советских партийных и государственных руководителей не только от репрессий, но и крайне затруднило возможности их судебных преследований в случаях совершения действительных преступлений, размыло их ответственность за свои действия и вообще принимаемые решения. С тех пор высокопоставленные государственные и партийные деятели стали неподсудными и фактически неподвластными закону.

Миф о событиях сталинского периода развития СССР, представленный в докладе Хрущева, подменил анализ причин формирования сталинского политического режима и методов государственного управления того периода. Поэтому в практике политической деятельности и государственного управления даже в современной России можно обнаружить некоторые черты, присущие периоду культа личности Сталина. В частности, российские суды все еще крайне редко выносят оправдательные приговоры по уголовным делам (менее 1%). В милиции к подозреваемым до сих пор применяют пытки и насилие с целью получения признательных показаний, а прокуратура и суды склонны доверять доказательствам, добытым таким образом. Эта практика была широко распространена в сталинский период для обоснования обвинительных судебных приговоров. Кроме того, в российских судах нет равенства в применении норм права независимо от социального статуса истцов и ответчиков. И пока никакие попытки правовых и судебных реформ эту ситуацию в российской правосудии не изменили.

Важно, что закрытый доклад Хрущева на XX съезде КПСС не стал фактором общественного согласия, а напротив, породил у многих растерянность, разочарование, непонимание происходящего, более того, он разделил советское общество, обострил конфликт поколений. Социологические исследования показывают, что этот раскол по отношению к личности Сталина до сих пор разделяет российское общество.

Для подавляющего большинства советских граждан, живших в 30–40-е гг. XX в., Сталин действительно стал “Отцом”, в социальном отношении более значимым, чем их собственные отцы. Тоталитарный сталинский режим, как и другие, ему подобные, был основан на истерии, порожденной, в частности, глубоким сексуальным вытеснением и репрессированием многих проявлений сексуальности. Некоторые из них – как, например, гомосексуализм – считались уголовными преступлениями. Таким образом, сексуальная энергия социума направлялась на самого Сталина, в котором никто, кроме самых близких, не замечал ни усохшей руки, ни слабого голоса, ни низкого роста и других, отнюдь не божественных признаков обычного человека.

Хрущев формированием мифа о культе личности Сталина символически уничтожил “Отца народов”. Его действия, в частности вынос тела Сталина из мавзолея, были осмыслены общественным сознанием согласно с описанным З. Фрейдом глубинным пластом сознания [Фрейд, 2008, с. 470–472, 483–485]. По Фрейду, бессознательное в некоторых случаях существенно определяет мотивы и само поведение – как отдельного индивида, так и социальных групп общества. Поскольку миф о Сталине имел укорененный в общественном сознании образ “Отца”, действия Хрущева и других советских руководителей после смерти Сталина, названные ими “преодолением последствий культа личности”, сформировали в общественном сознании

описанный Фрейдом “эдипов комплекс” [Фрейд, 2008, с. 578–582]. По-видимому, и сам Хрущев был подвержен его действию: с одной стороны, он руководствовался необходимостью символического уничтожения “Отца народов”, а с другой – испытывал сильнейшее чувство вины за эти действия. Это чувство вины и у Хрущева, и даже у так называемых “шестидесятников”, было столь сильным потому, что миф о Сталине оказался укорененным в общественном сознании с конца 20-х гг. XX в. Сила этого чувства вины вела к необходимости формирования рациональных аргументов, оправдывающих символическое уничтожение “Отца народов”. Одним из таких аргументов стала глубокая ненависть не только лично к Сталину, но и ко многому из того, что было сделано в период его правления. У “шестидесятников” возник своеобразный истерический комплекс “борьбы с последствиями культа личности”, проявлявшийся в приписывании Сталину ответственности за все преступления, совершенные в период его правления. Хрущев не только сам символически уничтожил “Отца народов”, но и сделал сопричастным к этому действию практически все советское общество.

В результате большинство советских граждан получили тяжелейшую психическую и моральную травму, от которой жившие при сталинском режиме, по-видимому, не оправятся никогда. Но и последующие поколения также не свободны от этой травмы, транслируемой в их сознание родителями, родственниками старших возрастов, их ближайшим окружением, политиками, государственными деятелями, “шестидесятниками” через произведения искусства и средства массовой информации. Многие руководители во властных структурах в силу того же комплекса, делающего их особо восприимчивыми к тем принципам руководства, которые практиковались в сталинские времена, выливающиеся сегодня, например, в мифологему о “вертикали власти”, стали практически не способными к конструктивной стратегической деятельности для развития общества, экономики, политики и государственного управления. Поэтому реализуемые в настоящий период стратегии развития нашей страны во многом способствуют не прогрессу, а регрессу.

Комплекс “борьбы с последствиями культа личности” привел Хрущева к необходимости экономических реформ, например к семилетнему планированию экономики вместо пятилетнего, к созданию совнархозов и т.п. От этих методов, оказавшихся крайне не эффективными, пришлось отказаться следующему руководству страны, возглавляемому Л. Брежневым. Но и ему не удалось предложить способы эффективного решения стратегических проблем в политике, экономике и социальной сфере. СССР постепенно проигрывал в конкуренции с развитыми странами Запада. Отсутствие результатов реанимировало мифологические представления об эффективности якобы отвергнутых методов сталинского руководства, хотя на деле полного разрушения сталинского наследия не происходило в силу некоторых ограничений общественного сознания и социальных практик, связанных, например, с обеспечением так называемых “ленинских норм партийной жизни”. Комплекс “борьбы с последствиями культа личности” не затрагивал, по существу, такого важного аспекта сознания советского человека, как господство государственного патернализма, которое, в свою очередь, блокировало развитие форм подлинного коллективизма в рамках “большого общества”, сопровождавшегося и таким фактором, как процветание агрессивного адаптационного индивидуализма. Все это в постсоветский период существенно способствовало разрушению экономики и социальных отношений коллективизма и солидарности, существенному материальному расслоению в российском социуме и снижению уровня жизни подавляющего большинства российских граждан.

Разумеется, состояние общественного сознания и сознания российской элиты в настоящий период не связано напрямую с тем, что произошло на XX съезде КПСС. Но замена реальной истории страны мифологическим описанием сталинского периода ее развития привела к подмене научно обоснованного исторического, политического и социального анализа периода правления Сталина трактовкой этого периода в инте-

ресах текущей политики. Мифы об эффективности иерархических систем управления и жестких наказаний за правонарушения и преступления в совокупности с “эдиповым комплексом” “шестидесятников” оказались сильнее новых, современных методов и принципов государственного управления.

Началом изменения отношения общества к этим мифам в соответствии с концепциями современного психоанализа должна стать их рационализация на основе широкого изучения реальных исторических фактов и общественных дискуссий об их содержании и смысле. Эта рационализация не должна проходить стихийно, потому что без профессиональной поддержки психологов, психоаналитиков и социологов такая рационализация у некоторых граждан и социальных групп может приводить к усилению мотивации асоциального поведения и разрушения, отказу от следования нормам права и систематическому нарушению норм морали и этики. Но при профессиональной поддержке обсуждений того, что реально происходило в период сталинского правления страной, можно надеяться на постепенное преодоление в общественном сознании и сознании российской элиты разрушительного комплекса “борьбы с последствиями культа личности”. По-видимому, пока российские граждане и элита не разберутся в мифе о Сталине, не осмыслят, что на самом деле стоит за его образом, в нашей стране не появится реальная стратегия ее развития, обеспечивающая конкурентоспособность и экономики, и человеческого капитала России. А главное, невозможно будет консолидировать общество для выполнения такой стратегии, неосознанно будет выполняться стратегия снижения конкурентоспособности России в современном мире.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

XX съезд Коммунистической партии Советского Союза. 14–25 февраля 1956 г. Стенографический отчет. Т. I–II. М., 1956.

Барт Р. Семиотика. Поэтика. Избр. раб. М., 1994.

Бурдые П. Начала. Choses dites. М., 1994.

Бурдые П. Социология политики. М., 1993.

История России. XX век: 1894–1939. М., 2009.

Ленин В.И. Полн. собр. соч. В 55 т. Т. 45.

Фрейд З. Тотем и табу. М., 2008.

Хрущев Н.С. О культе личности и его последствиях. Доклад XX съезду КПСС // Известия ЦК КПСС. 1989. № 3.

Шампань П. Двойная зависимость. Несколько замечаний по поводу соотношения между полями политики, экономики и журналистики // Socio-Logos '96. Альманах Российско-французского центра социологических исследований Института социологии Российской академии наук. М., 1996.

Юнг К.-Г. Архетип и символ. М., 1991.

Юнг К.-Г. Архетипы коллективного бессознательного. М., 1994.